М. П. АЛЕКСЕЕВ

ДЕРЖАВИН И СОНЕТЫ ШЕКСПИРА

В «Анакреонтических песнях» (1804) Г. Р. Державина впервые появилось его стихотворение «Горячий ключ», написанное за несколько лет перед тем — в 1797 г.; затем оно воспроизводилось во всех собраниях его сочинений, начиная с издания 1808 г., в составе его анакреонтического цикла, и было хорошо известно русским читателям. Напомним текст этого небольшого стихотворения об Амуре (Купидоне), заснувшем в тенистой роще, и о нимфах, окунувших его факел в соседний источник:

Горячий ключ

Под свесом шумных тополовых
Кустов, в тени, Киприди́н сын
Покоился у вод перловых,
Бию́щих с гор, и факел с ним
Лежал в траве, чуть-чуть куряся.
Пришли тут нимфы и, дивяся,
«Что нам! — сказали, — как с ним быть?
Дай в воду, в воду потопить!
А с ним и огнь, чем все сгорают!»
И вот! — кипит ключ пеной весь;
С купающихся нимф стекают
Горящие струи поднесь.

Среди многих параллелей, которые это стихотворение имеет в различных литературах Западной Европы, наибольшей известностью пользуются два сонета Шекспира (153-й и 154-й), написанные на ту же тему. Сходство «Горячего ключа» Державина с указанными английскими сонетами настолько велико, что безусловно требует особого объяснения. Стоит воспроизвести здесь также оба сонета Шекспира, чтобы удостовериться в тематической близости к ним «Горячего ключа» Державина. Мы цитируем их ниже в русских переводах С. Маршака, поскольку английских подлинников этих сонетов Державин знать не мог и даже едва ли знал что-либо об их авторе.

Первый из указанных сонетов Шекспира (№ 153) начинается следующими стихами:

Cupid laid by his brand, and fell asleep;
A maid of Dian's this advantage found,
And his love-kindling fire did quickly steep
In a cold-valley fountain of that ground...

В близком к оригиналу стихотворном переводе С. Маршака он звучит так:

Бог Купидон дремал в тиши лесной,
А нимфа юная у Купидона
Взяла горящий факел смоляной
И опустила в ручеек студеный.

Огонь погас, а в ручейке вода
Нагрелась, забурлила, закипела.
И вот больные сходятся туда
Лечить купаньем немощное тело.

А между тем любви лукавый бог
Добыл огонь из глаз моей подруги
И сердце мне для опыта поджег.
О, как с тех пор томят меня недуги!

Но исцелить их может не ручей,
А тот же яд — огонь ее очей.

Тема о холодном источнике, закипевшем от опущенного в него факела бога любви, очевидно, настолько увлекла Шекспира, что он обработал ее еще раз для своего лирического сборника в следующем по порядку сонете (№ 154). «Горячий ключ» Державина еще ближе к тексту этого сонета, чем к предшествующему. ему. В подлиннике он начинается следующими известными стихами.

The little Love-god lying once asleep;
Laid by his side his heart-inflaming brand...

Воспроизводим ниже точно следующий оригиналу перевод С. Маршака:

Божок любви под дерево прилег,
Швырнув па землю факел свой горящий
Увидев, что уснул коварный бог,
Решились нимфы выбежать из чащи.

Одна из них приблизилась к огню,
Который девам бед наделал много,
И в воду окунула головню,
Обезоружив дремлющего бога.

Вода потока стала горячей.
Она лечила многие недуги.
И я ходил купаться в тот ручей,
Чтоб излечиться от любви к подруге.

Любовь нагрела воду, — но вода
Любви не охлаждала никогда.[1]

Чем объясняется сразу же бросающаяся в глаза неожиданная, но тем более интригующая близость стихотворения Державина к указанным сонетам Шекспира? Говорить о «случайном» сходстве этих произведений, — при наличии в каждом из них

[1] Сонеты Шекспира в переводах С. Маршака. М., 1948, с. 173—174.

всех основных определяющих тему признаков и реалий, — не приходится: сходство между литературными произведениями, вообще говоря, лишь в редких случаях может быть обусловлено случайными совпадениями. О прямом или опосредствованном знакомстве русского поэта в конце XVIII в. с сонетами Шекспира, естественно, также речи быть не может: к этому времени эти сонеты ни на своей родине, ни в других западноевропейских литературах широкой известностью еще не пользовались. Отсюда явствует, что для указанных двух английских и русского стихотворений следует найти общий источник.

Поиски этого источника, как для Шекспира, так и для Державина, шли медленно, своими особыми, ни разу не пересекавшимися путями; между тем они скорее привели бы к ощутительному результату, если бы исследователи происхождения сонетов Шекспира могли бы заглянуть в разыскания о стихотворениях Державина; в последних источник его «Горячего ключа» был точно определен почти на полстолетия раньше, чем тот же источник для сонетов 153 и 154.

В начале 1830-х годов молодой петербургский филолог-классик В. С. Печерин, увлеченный занятиями греческой Антологией, поместил в петербургском альманахе «Комета Белы», изданном В. Н. Семеновым, несколько эпиграмм, заимствованных им из этой Антологии, в своем стихотворном переводе. Среди них напечатана также и следующая эпиграмма:

Горячий ключ

Здесь, под яворов тенью, Эрот почивал утомленный,
  В сладком сне, к ключёвым Нимфам свой факел склонив,
Нимфы шепнули друг дружке: «Что медлим? погасим светильник!
  С ним погаснет огонь, сердце палящий людей!»
Но светильник и воды зажег: с той поры и поныне
  Нимфы, любовью горя, воды кипящие льют.[2]

Никаких пояснений к настоящему тексту в «Комете Белы» не имеется. Публикуя этот свой перевод, В. С. Печерин не назвал автора эпиграммы, с именем которого она занесена в «Палатинскую Антологию», тогда как при переводах других эпиграмм, напечатанных в том же альманахе, авторы их обозначены. Обращает на себя внимание также и то обстоятельство, что в переводе Печерина данная эпиграмма имеет заглавие, совпадающее с заглавием стихотворения Державина, тогда как в греческом подлиннике оно отсутствует. Не значит ли это, что для своего перевода В. С. Печерин пользовался, помимо греческого оригинала эпиграммы, каким-либо переводом ее на один из новых западноевропейских языков, тем самым, какой был в руках у Державина?

[2] Печерин В. Из греческой Анфологии. — В кн.: Комета Белы. Альманах на 1833 год. СПб., 1833, с. 255—256; об этом альманахе см.: Смирнов-Сокольский Ник. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965, с. 181 (№ 402).

Несколько лет спустя, с еще бо́льшим рвением и увлеченностью занимаясь той же греческой Антологией, В. С. Печерин напечатал (на этот раз анонимно) в журнале П. А. Плетнева «Современник» свою статью «О греческой эпиграмме», представлявшую собой отрывок из той диссертации, которую он предполагал представить Московскому университету.[3] В этой статье В. С. Печерина мы вновь находим ту же переведенную им эпиграмму о роднике, в который нимфы окунули факел Эрота; здесь она напечатана с некоторыми поправками, но без заглавия, зато с именем ее греческого автора — Мариана Схоластика (писателя V—VI в. н. э.), столь изящно и пластически объяснившего в своем стихотворении «происхождение горячего ключа».[4] Далее, в той же статье, Печерин говорит о переводах греческой антологии и в этой связи называет прежде всего Державина: «Что скажем о переводах из греческой Антологии на русский язык? Изредка только мелькают у наших поэтов переводы греческих эпиграмм, и те не с подлинника. У Державина, который так удачно умел передать нам на отечественном языке всю прелесть од Анакреона, находим только две пьесы, заимствованные из Антологии. Первая — „Горячий ключ“ есть перевод эпиграммы Мариана Схоластика».[5] Вопроса о том, откуда, через посредство каких промежуточных звеньев Державину могла стать известной эпиграмма Мариана Схоластика, В. С. Печерин себе не ставил.

Указанием В. С. Печерина воспользовался Я. К. Грот в комментарии к «Горячему ключу»; он привел греческий подлинник этой эпиграммы из «Палатинской Антологии» и русский прозаи-

---

[3] О греческой эпиграмме. — Современник, 1838, т. XII, с. 72—88.

[4] В тексте «Современника» (с. 76) в переводе эпиграммы Мариана Схоластика изменен 2-й стих: вместо «В сладком сне, к ключевым нимфам свой факел склонив», мы читаем здесь: «К нимфам струящихся вод факел горящий склонив»; в следующем стихе вопрос «Что медлим?» изменен на «Что медлить?». С учетом этих вариантов данный перевод перепечатан полностью Е. Бобровым в приложении к статье «Литературная деятельность В. С. Печерина» («Переводы Печерина из греческой антологии») в его книге «Литература и просвещение в России XIX века» (т. IV. Казань, 1902, с. 12), а затем еще раз, в соответствии с автографической рукописью переводчика, в кн.: Гершензон М. Жизнь В. С. Печерина. М., 1910, с. 23. В недавнее время в русской печати появился еще один перевод той же эпиграммы, сделанный с греческого оригинала и принадлежащий перу Л. Блуменау:

Здесь под навесом платанов однажды Эрот утомленный
Сладким покоился сном, нимфам свой факел отдав.
Нимфы сказали друг дружке: «Что медлим? Погасим скорее
Факел, а с ним и огонь, смертным палящий сердца!»
Пламя, однако, и воды зажгло. И купальщикам нимфы
Эротиады с тех пор воду горячую льют.

(См. сб.: Греческая эпиграмма. М., 1960, с. 285).

[5] [В. С. Печерин.] О греческой эпиграмме, с. 87. — О другом переводе Державина из греческой Антологии Печерин замечает здесь же: «Вто-

ческий ее перевод.[6] Однако и Я. К. Грот в комментарии к «Горячему ключу» не высказал никаких соображений по поводу того, как текст греческой эпиграммы стал известен Державину: вопрос о переводах эпиграммы Мариана Схоластика на новые западноевропейские языки, до перевода Державина, в литературе о русском поэте оставался неосвещенным.

Происхождение двух указанных выше сонетов Шекспира, как и других образцов его лирического творчества, вызвало долгие обсуждения и споры, не приводившие, однако, к ощутительным результатам. На более реальную почву эти споры перенесены были в 1878 г., когда появилась статья немецкого исследователя В. Хертцберга «Греческий источник сонетов Шекспира». Он указал здесь на ту самую эпиграмму Мариана Схоластика, которую, как мы видели, В. Печерин считал первоисточником «Горячего ключа» Державина.[7] Неясным, впрочем, осталось, откуда эта эпиграмма могла стать известной Шекспиру, тем более, что издания греческой Антологии и ее переводы довольно многочисленны и текстологически очень запутанны. Надо при этом также иметь в виду, что хотя отдельное издание «Сонетов» Шекспира впервые выпущено было в 1609 г. (по-видимому, без участия автора), но создание их обычно относится условно к десятилетию между 1590 и 1600 годами.[8] В подлинном греческом тексте эпиграмма Мариана Схоластика была впервые напечатана в IV книге

рая, составляющая первую половину стихотворения „Спящий Эрот", заимствована из отрывка, приписываемого Платону Философу (210-я эпигр. 4 книги Anthol. Planud.), так что все главные черты прекрасной картины, изображающей спящего Эрота, принадлежат древнему поэту; последняя половина этого стихотворения есть 30-я ода Анакреона с некоторыми только изменениями. Соединение двух греческих стихотворений в одно прекрасное целое заставляет удивляться искусству нашего поэта» (там же, с. 87). Известно, что мотив о «спящем Эроте» (Амуре) заимствован западноевропейской анакреонтической поэзией XVIII в. именно из греческой антологии. Например, Аусфельд (F. Ausfeld. Die deutsche Anacreontische Dichtung des 18. Jahrh. Strassbourg, 1907 (Quellen und Forschungen, Heft 101), S. 44) ссылается на стих. Глейма «Amor schlafend» и его французские образцы у Удара де ла Мотта (Houdard de la Motte — «L'Amour réveillé») и у Берни (Bernis — «L'Amour et les nymphes. Ode anacréontique»).

[6] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, т. II. СПб., 1865, с. 129. — Приводим этот прозаический перевод для удобства сопоставлений его со всеми прочими: «Здесь, под яворами, уснул сладким сном изнуренный Эрот, положив возле нимф факел. Нимфы же друг другу сказали: Что медлим? Потушить бы нам вместе с этим огонь человеческого сердца! Но когда от факела зажглась и вода, то Эротовы нимфы стали черпать оттуда для купанья горячую воду».

[7] Hertzberg W. Eine griechische Quelle zu Shakespeare's Sonetten. — Jahrbuch d. Deutschen Shakespeare-Gesellschaft. Jhg. XIII, Weimar, 1878, S. 158—162.

[8] См.: Halliday Frank Ernest. A Shakespeare Companion. London, 1952, p. 607 (сонеты Шекспира датированы временем между 1592 и 1597—1598 гг.); Pearson Lu Emily. Elisabethan Love Conventions. Berkeley, Calif., 1933, p. 260; Schaar Claes. Elisabethan Sonnet Themes and the Dating of Shakespeare «Sonnets». Lund, 1962, p. 12, и др.

греческой Антологии (гл. XIX, эпигр. 35), изданной Иоанном Ласкарисом во Флоренции в 1494 г.; до 1600 г. это издание перепечатывалось десять раз (полный перевод не появлялся до 1603 г.); более исправный ее список, составленный в X в. (Константином Кефалою), был обнаружен лишь в 1606 г. в Гейдельбергской «Палатинской библиотеке» (откуда происходит и ее название «Anthologia Palatina», интересующая нас эпиграмма находится здесь в кн. IX, 627).

Так как ничто не свидетельствует о знакомстве Шекспира с древнегреческим языком, а с другой стороны, представляется малоправдоподобным, чтобы он, даже имея о нем представление, был бы в состоянии выбрать себе для перевода или пересказа эпиграмму на этом языке в середине большой книги, заключающей в себе около трех тысяч эпиграмм, — оставалось предположить, что эпиграмма Мариана Схоластика стала известной Шекспиру не в оригинале, а в каком-либо переводе, например латинском или итальянском.

Попытки обнаружить такой перевод предпринимались неоднократно.[9] Полный и тщательный пересмотр этого вопроса произвел Джеймс Хаттон, известный своими исследованиями о судьбе греческой антологии в новоевропейских литературах — итальянской, французской, нидерландской — до конца XVIII в.[10] Собранные Хаттоном параллели к двум шекспировским сонетам (№№ 153 и 154) довольно многочисленны; он привел в своей статье около двух десятков стихотворений в различных жанрах, созданных на многих языках, и сопоставил их друг с другом:[11] среди них оказались и переводы греческой эпиграммы, и подражания ей, и всевозможные стихотворные вариации на тему об источнике, ставшем горячим от погруженного в него факела бога любви. По наблюдениям Хаттона, популярность этой темы становится очевидной в конце XVI в. К этому времени она получила и географическую локализацию, приуроченную к курортной местности Байи неподалеку от Неаполя; еще в древности Байи славились своими термами и лечебными минеральными источниками; их воспел еще Гораций.

Все рассмотренные Хаттоном произведения на указанную тему в той или иной степени восходят к Мариану Схоластику, но большею частью значительно отклоняются от своего образца. Уже

---

[9] Dowden E. The Sonnets of William Shakespeare. London, 1881, p. 305; Wolff M. J. Zu den Sonetten. — Jahrbuch d. Deutschen Shakespeare-Gesellschaft, Bd. XLVII, Berlin, 1911, S. 191—192, и др.

[10] Hutton James. 1) The Greek Anthology in Italy to the year 1800 (Cornell Studies in English, v. XXIII). Ithaca—N. Y., 1935; 2) The Greek Anthology in France and in the Latin Writers of the Netherlands to the Year 1800 (Cornell Studies in Classical Philology, v. XXVIII). Ithaca—N. Y., 1946.

[11] Hutton James. Analogues of Shakespeare's sonnets 153—154. Contributions of the History of a theme. — Modern Philology, 1941, v. XXXVIII, p. 385—403.

первое латинское четверостишие, приписанное некоему поэту Регианусу (Regianus или Regianius), сопоставлявшееся с обоими сонетами Шекспира, в действительности не является переводом греческой эпиграммы, хотя оно и возникло одновременно с ней (ок. V века н. э.); здесь уже названы Байи (litora Baiae) как место действия. Родственна четверостишию Регианусa латинская эпиграмма француза Пьера Питу (Pithou), помещенная в его «Epigrammata et poemata vetera» (Paris, 1589—1590), латинская поэма Никколо д'Аркó, обнаруженная в флорентийской рукописи XV в. Свободной вариацией на ту же тему являются латинское стихотворение Джироламо Анджериано о купальне возлюбленной («De Caelia Balneo» в его «Erotopaegnion», Firenze, 1512) и небольшое французское, приписанное (вероятно, ошибочно) Меллену де Сен-Желе (Mellin de Saint Gelais). Хаттон приходит к заключению, что единственным латинским переводом интересующей нас греческой эпиграммы в это время может быть назван тот, который выполнен Фаусто Сабео из Брешии в его «Epigrammata» (Roma, 1556); этот поэт-гуманист, бывший библиотекарем Ватикана и другом Микеланджело, озаглавил этот перевод «In Balneum Dictum Erota», добавив: «E greco». Все остальные стихотворения являются подражаниями или вольными пересказами темы, ставшей традиционной и устойчивой: таковы, например, итальянское стихотворение «Tradotto da M. Statio Romano de l'Acque di Baia», помещенное в книге: «Versi e regole de la nuova poesia toscana», изданной Клаудио Толомеи (Рим, 1539); произведение немецкого новолатинского поэта Иоганна Штигеля, друга Меланхтона, о Купидоне, задремавшем в Байах («De Cupidine ad Baias Dormiente»); отзвуки этой традиционной темы есть и у Ронсара (в его «Stances de la fontaine d'Hélène»), и в итальянских «Rime» (Венеция, 1577) Луиджи Грото, и в 27-м сонете Дж. Флетчера (в его «Licia», 1593), и у французского поэта Жана Гризеля (в его «Premières œuvres poétiques», 1599), и т. д.

Все эти разнородные и разноязычные произведения составляют тот густой литературный фон, на котором выделяются блистающие свежими красками два сонета Шекспира. Однако эти сонеты, может быть именно вследствие своей тематической традиционности, не причисляются к его лучшим созданиям в стихотворной форме: сонеты 153—154 называются «традиционными упражнениями» (conventional exercises) [12] или «традиционными изощренными сравнениями с факелом Купидона» (conventional Cupid's brand conceit).[13]

Возвратимся теперь к вопросу, который уже был затронут выше: из какой книги и в каком обличии эпиграмма Мариана Схо-

---

[12] Sampson G. The Concise Cambridge History of English Literature. Cambridge, 1953, p. 272.

[13] Schaar Claes. Elisabethan Sonnet Themes and the Dating of Shakespeare's «Sonnets», p. 188.

ластика стала известной Державину? Изучая переводы Г. Р. Державина из Пиндара, Б. И. Коплан справедливо заметил: «Державин не знал греческого языка. Это обстоятельство препятствовало его непосредственному общению с любимыми греческими поэтами. В письме к А. Ф. Негри от 26 августа 1815 г. Державин высказал свое страстное желание, к его великому сожалению не осуществившееся, „уметь по-гречески, дабы сбирать сладость с греческих писателей“ (Соч. Державина, т. VI, стр. 323). Но довольно хорошее знание немецкого языка, полученное им в детстве, дало ему возможность пользоваться немецким переводом с греческого оригинала. Кроме того, на помощь ему являлись подстрочные переводы с греческого на русский язык, знавшие классические языки».[14] Приведенные соображения заставили Б. И. Коплана согласиться с мнением Я. К. Грота, что при передаче од Пиндара Державин пользовался переложениями их на немецкий язык, выполненными Ф. Гедике.

Очевидно, что эпиграмма Мариана Схоластика дошла до Державина аналогичным путем. Все перечисленные выше (на основании подборки в статье Хаттона) переводы и подражания этой эпиграмме Державину не могли быть известны: до второстепенных писателей Западной Европы второй половины XVI в. (в том числе и немецких) эрудиция Державина не доходила; равным образом в данном случае его ученые друзья едва ли могли быть его помощниками или интерпретаторами греческой антологии в оригинале; ею заинтересовались в России на два десятилетия позже. Посредником оказались для Державина переводы греческих эпиграмм, сделанные Гердером. Стоит попутно отметить, что именно из сочинений Гердера В. Хертцберг получил первый импульс для поисков греческого источника двух сонетов Шекспира и что в результате это привело исследователя к отысканию эпиграммы Мариана Схоластика в «Палатинской Антологии».[15]

В известной брошюре «О греческой антологии» (СПб., 1820), написанной К. Н. Батюшковым совместно с С. С. Уваровым, с которой началась у нас популярность античной «эпиграмматической» поэзии, между прочим сказано: «Не мы одни, русские, мало занимались Антологиею. В Германии, в сей колыбели филологии, прежде Гердера никто не помышлял о красотах и до-

---

[14] Коплан Б. И. Переводы Г. Р. Державина из Пиндара. — В кн.: Sertum Biblioricum в честь... проф. А. И. Малеина. Пб., 1922, с. 155—156.

[15] В. Хертцберг (Hertzberg W. Eine griechische Quelle zu Shakespeare's Sonetten, S. 158) указал на сочинение Гердера «Ideen zur Geschichte und Kritik der bildenen Künste», в котором его внимание обратило на себя место, где Гердер восклицает: «Что может быть прелестнее спящего ребенка? Искусство и эпиграмма также очень восхищались дремлющим Амуром». В последующих строках Гердер, основываясь на античной эпиграмматической традиции, говорит, что, по мнению древних, не стоило доверяться Амуру, даже находившемуся во сне: «Его факел погрузят в источник, чтобы он погас, а факел разгорится и в воде и превратит источник в купальню любви». Прочтя это место у Гердера,

стоинстве оной».[16] Позднее В. С. Печерин, говоря о «важнейших переводах греческих эпиграмм на другие языки», вспомнил прежде всего именно о Гердере и писал: «В германской литературе почетное место занимают Гердеровы прекрасные переводы, изданные вместе с подлинником. Впрочем, переводами в собственном смысле их назвать нельзя: в них часто бывает изменен настоящий смысл подлинника для того, чтобы удовлетворить требованиям современного вкуса, без чего, конечно, некоторые эпиграммы не могли бы для нас быть совершенно понятными».[17] Я. К. Грот в свою очередь говорил о немецких переводах Гердера как о возможных источниках подражаний древним Державина и упомянул в этой связи даже «Горячий ключ»; правда, это указание Я. К. Грота носило попутный характер и сделано было не в комментарии к «Горячему ключу», а в другом месте издания; к тому же Грот высказал его лишь в виде предположения. В примечании к стихотворению Державина «Геркулес» (1798) Грот писал, что первоначальной мыслью о нем русский поэт «обязан переводу или подражанию из греческой Антологии». «Вероятно, в руках его (Державина) была изданная Гердером (во второй раз в 1791 г.) книжка таких подражаний под заглавием „Blumen aus der griechischer Anthologie". Кажется, он пользовался ею, потому что в ней встречаются многие из тех стихотворений Антологии, которые перелагал Державин, хотя в частностях и не заметно, чтобы он следовал именно Гердеру». Далее Грот назвал ряд таких переводов Гердера с греческого, которыми мог воспользоваться Державин; среди них упомянут и «Горячий ключ».[18] Эта догадка Грота долгое время не обращала на себя внимание и не подвергалась проверке. Лишь в 1957 г. специальную работу о той роли, которую сыграло наследие Гердера в творчестве Державина как лирика и переводчика, опубликовал К. Биттнер;[19] здесь, в частности, приведен подробный анно-

Хертцберг тотчас же вспомнил сонеты Шекспира, стал листать греческую антологию и в конце концов нашел здесь эпиграмму Мариана Схоластика, которую Гердер и сам перевел в своих «Цветах из греческой антологии». Отметим, однако, что при этом на сонеты Шекспира Гердер не ссылается.

[16] Батюшков К. Соч. под ред. Л. Н. Майкова, т. I, кн. II. СПб., 1887, с. 423; см. также статью Н. А. Чистяковой «Из истории изучения древнегреческой эпиграммы в России» (в кн.: Античность и современность. К 80-летию Ф. А. Петровского. М., 1972, с. 472—476). Ко всему сказанному здесь о возникновении популярности греческой Антологии в России добавим еще указания на статью С. И. Соболевского «Стихотворение А. С. Пушкина «Глухой глухого звал» (Докл. АН СССР, сер. В, 1930, № 1, с. 1—3), в которой речь идет об эпиграмме Никарха в «Палатинской Антологии» (XI, 251) и подражаниях ей во французской и немецкой литературах.

[17] [В. Печерин]. О греческой эпиграмме, с. 86.

[18] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, т. II, с. 179—180.

[19] Bittner K. J. C. Herder und G. K. Deržavin. — In: Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sinn. Festschrift für 80 Geburtstag von Ernst Otto. Berlin, 1957, S. 188—215.

тированный перечень всех переводов Гердера, которые Державин положил в основу собственных стихотворных переложений; упомянут также и перевод эпиграммы Мариана Схоластика в пятой книге гердеровских «Blumen aus der griechischen Anthologie», где назван «Der warme Quell».[20] Сопоставление русского текста Державина с немецким не оставляет никаких сомнений в том, что именно этим источником Державин воспользовался при создании своего «Горячего ключа». К такому заключению пришел и К. Биттнер, писавший: «Державин весьма близок к Гердеру и следует ему во всем своем изображении; он перенимает у Гердера также заключительные стихотворные строки, которые действуют живее, чем греческий оригинал».[21] Приводим перевод Гердера, чтобы это наблюдение сделалось более наглядным:

Der warme Quell

Unter dem Ahorn lag einst in lieblichem Schlummer
Amor: die Fackel lag neben die Quelle gesenkt.
Siehe, da sprachen die Nymphen: «Was sollen wir thum mit der Fackel?
Löschen wollen wir sie! kühlen der Sterblichen Herz!»
Und sie tauchten sie nieder; da mischten sich Wellen und Liebe;
Liebende Nymphen, ihr strömt selber nun wallende Glut.[22]

Разумеется, между текстами Державина и Гердера есть и некоторые расхождения, но они малосущественны (так, например, вместо «платанов» в греческом подлиннике и «яворов» в переводе В. С. Печерина, у Гердера стоят «клены», а у Державина — «тополи»); известно также, что, подобно Гердеру, Державин защищал право переводчика отклоняться от подлинника: «Поэзию на другой язык с такою же красотою перелить не можно... всего лучше, держась издали плана и мыслей, подражать только духу творца, приноравливая чувства свои к нему».[23] И все же отрицать близкое знакомство Державина при создании «Горячего ключа» с «Der warme Quell» Гердера невозможно.

Таким образом, Державин написал «Горячий ключ», ничего не зная о сонетах Шекспира. Тем не менее у них оказался общий источник. Как ни трудно бывает порою установить причину сходства между отдельными литературными произведениями разноязычных литератур, следует в каждом случае в первую очередь предполагать прямое или опосредствованное воздействие одного из этих произведений на другое: случайность самозарождения почти исключена, о какой бы эпохе литературной жизни ни шла речь.

---

[20] Ibid., S. 200.
[21] J. G. v. Herders Sämmtliche Werke, Bd. 20. Stuttgart und Tübingen, 1853, S. 60.
[22] Herders Sämmtliche Werke, Bd. 26. Herausgegeben von Bernhard Suphan. Berlin, 1882, S. 50.
[23] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, т. VI, с. 326.